

4. А. И. ДЕНИКИН: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ

737. А. И. КОЗЛОВ:

В последние годы в России сложилась литература о Деникине. Переиздана, в частности, первая более или менее научная его биография, написанная Д. В. Леховичем, которому довелось сражаться под его знаменами и работать по материалам, хранящимися в США, в том числе и принадлежавшим непосредственно самому генералу.

738. Г. Е. ШИРОКОВА:

В советской историографии Деникин, как, впрочем, и все побеждённые противники большевистской власти, однозначно представлялись чудовищами и злодеями. В постсоветский период появилось множество апологетических работ, авторы которых нередко впадали в иную крайность. Они стремились возвести вокруг реального человека с его ошибками, вполне объяснимыми человеческими слабостями и стремлениями ореол праведника и бескорыстного мученика за «белую» идею. Истина же лежит где-то посередине...

739. Г. М. ИППОЛИТОВ:

Историческая персоналия генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (1872–1947) получила в отечественной исторической науке (начиная с 1990-х годов) соответствующую научную разработку. Причем, *именно в современной историографии*. Дело в том, что в советской исторической науке наблюдается уникальный парадокс: обращаясь к образу вождя Белого дела, историки его ... не исследо-

вали (!). Изучали (в контексте истории революции и Гражданской войны в России) *деникинщину*, ставшую родным, но нелюбимым дитем советской историографии... И хотя данная дефиниция, как стало ясно сегодня, — не больше, чем псевдонаучная политизированная категория, но советские историки растолковывали ее в более чем в 400 публикациях, различных по объему, жанру, научной значимости. И эта горькая, но не вся правда о деникинщине, занимает в советских историографических источниках, проанализированных в интересах монографии, 98,5%. Примерно 1% в их числе приходится на работы, из которых можно почерпнуть отрывочные сведения о Деникине-контрреволюционере в революционном 1917 году. Главным образом, в связи с его участием в корниловском выступлении. Наконец, из 0,5% проанализированных в интересах монографии советских историографических источников можно почерпнуть краткую информацию об общественной деятельности Деникина-белоэмигранта. Относительно же Деникина образца до 1917 г. подсчеты провести трудно, так как налицо лишь отдельные небольшие отрывочные фрагменты, имеющие отношение к нему, главным образом, в литературе о Первой мировой войне.

Масштабность исторической личности боевого русского генерала породила уникальный феномен: его жизнь и судьба продолжает волновать в начале XXI в. не только историков-профессионалов, но и «смежников» из других сфер социокультурного знания. Имя Деникина также на устах политиков, публицистов, деятелей культуры, литературы, искусства, служителей религиозного культа. Более того, ту большую ложь, витавшую вокруг имени Антона Ивановича в советской историографии, вроде бы в постсоветской период разоблачили. Однако образ вождя Белого движения снова оброс новыми легендами и полумифами, причем политизированными. Все закономерно: брак историографии с политикой — брак по расчету, который будет расторгаться очень трудно. Наверное, этим нелюбимым супругам придется коротать свой долгий век вечно... И неправильно полагать, что засилье политического ангажемента в исторической науке — родовой признак исключительно тоталитарных и авторитарных политических режимов. Подобное существует и в демократических странах (быть может, в несколько смягченных формах).

...Советская историография рассматриваемой проблемы — то исследовательское поле, на котором находятся различные историографические сюжеты, составляющие основную канву, однако не исторической персоналии генерала Деникина, а деникинщины: *боевые действия Красной армии против белых на Юге России и разгром деникинщины; политический режим единоличной военной диктатуры Деникина, его антинародная сущность и крах; большевистское*

подполье и партизанская борьба на территориях, подконтрольных Деникину; Деникин как ставленник Антанты и ее верный прислужник, ярый антипатриот, торгующий национальными богатствами России; белый террор, зверства деникинцев против мирного населения (разумеется, вне контекста красного террора) и др. ... В условиях, когда на советскую историческую науку надели идеократические наручники, задавили жестким цензурным гнетом, все историографические сюжеты полностью не были раскрыты. Налицо ярко выраженная односторонность, отсутствие компаративного анализа.

Если вести речь об исторической персоналии Деникина в качестве участника Первой мировой войны, то здесь имеется крайне скудный материал фрагментарного характера, а служба Антона Ивановича в рядах армии царской России, его участие в Русско-японской войне, вообще не попали в поле зрения историков. Несколько больше материала имеется о Деникине образца революционного 1917 года. Но он насыщен массой отрицательных эпитетов и метафор, которых заслуживал «ярый контрреволюционер», «махровый монархист». А иногда вообще персоналию Антона Ивановича предпочитали скрывать, приводя только наименование занимаемой им должности. Особенно, когда Деникина приходилось вспоминать в отдельных позитивных аспектах (борьба с разложением армии в 1917 году, например). Не проходила в советской историографии по разряду приоритетных и проблема политической и общественной деятельности Деникина в белой эмиграции. Отдельные отрывочные сведения здесь насыщены пропагандистскими клише. Правда, все-таки, на закате советской исторической науки, появились робкие упоминания, например, о патриотической позиции генерала-изгнанника в годы Второй мировой войны.

Тем не менее, нельзя не заметить того, что в рамках советской историографии налицо закономерный поступательный характер процесса познания ряда, но далеко не всех, аспектов деникинщины. Но данный процесс серьезно девальвировался тем, что длительное время советская историческая наука развивалась в жесткой системе координат методологии догматизированного марксизма-ленинизма в большевистском его измерении, приспособленного для нужд тоталитарного и авторитарно-бюрократического политических режимов, имевших место в стране в анализируемый период. Историографические и исторические источники, увидевшие тогда свет, *нуждаются в переосмыслении с позиций бережного и корректного отношения к работкам предшественников, неукоснительного соблюдения принципа преемственности идей в развитии.*

В современной отечественной исторической науке, динамичной, противоречивой, не имеющей устойчивого характера, но через пре-

одоление глубоких кризисов поступательно развивающейся, псевдонаучная категория деникинщина выведена из научно-исследовательского поля. Не без боя, но все-таки выведена. Исследования теперь уже именно исторической персоналии Антона Ивановича Деникина, увидевшие свет вначале в материалах различных научных форумов, статей в научной периодике, во фрагментах и сюжетах специальных исследований по истории русской армии, революции и Гражданской войны, русского зарубежья, вышли на качественно новый уровень — научные биографии и комплексные исследования личности и судьбы генерала Деникина в формате монографий и докторской диссертации. Кроме того, здесь во весь голос заявил о себе (в контексте вышеизложенного) Интернет.

Ясно, что по сравнению с советской историографией, в современной отечественной исторической науке произошел мощный прорыв. Это стало возможным в условиях плюралистического многоголосия, отсутствия идеологического диктата государства над историками и действия в России конституционного запрета на цензуру. Однако неправильно полагать, что в таких благоприятных условиях исчезли политическая конъюнктура, социальный заказ — эти вечные демоны-искусители историков. Поэтому в современной деникинине имеют место и откровенно слабые, компилятивные работы, выполненные на потребу до предела коммерциализированному книжному рынку. Авторы при этом не стесняются передернуть факты, «отмыть черного кобеля добела» и т. д.

Но не стоит делать из такой ситуации трагедии. Просто необходимо усиливать научную критику опусов, где Деникину либо пришивают ангельские крылья или, наоборот, превращают его в inferнального монстра (все зависит от воли заказчика). Правда, усиливать научную критику здесь тяжело: крупные историографические работы (по сравнению с историческими) не в чести у издателей в силу того, что они адресуются, главным образом, специалистам. Простой любитель истории читать их станет нечасто. Но есть еще и рецензии в научных журналах, и историографические обзоры, и электронные ресурсы Интернета, где можно давать отпор конъюнктурным публикациям о генерале Деникине, серьезно искажающим историческую правду.

Колоритная фигура Антона Ивановича Деникина не могла не попасть в поле зрения зарубежных ученых — представителей исторической мысли русского зарубежья и собственно зарубежных исследователей (преимущественно англоязычных авторов). Направлением главного удара исследователи избрали здесь, в первую очередь, военную и политическую деятельность Деникина в качестве единоличного военного диктатора белого Юга России и главнокомандующего ВСЮР,

а также выявление роли и места генерала в Белом движении в период его генезиса и развития по восходящей линии (ноябрь 1917–1918 г.). Меньшее внимание уделялось освещению военной и политической деятельности Антона Ивановича в революционном 1917 году. Имеются также отдельные фрагменты и сюжеты о Деникине периода Первой мировой войны. Серьезных же научных исследований о генерале-изгнаннике, его политической и общественной деятельности в белой эмиграции не имеется.

Если рассуждать об историографии русского зарубежья, имеющей отношение к личности и судьбе генерала Деникина, то нельзя (применительно к историографическим источникам) не отметить, что в тех из них, что увидели свет в 1920-е — 1930-е годы, нашли непосредственное отражение боль и горечь авторов, обусловленные поражением в безумной братоубийственной бойне и потерей столь любимого ими Отечества. И в поиске ответов на извечный вопрос русской интеллигенции «Кто виноват?», задаваемым в данной связи, ответ часто возникал сам собой — Деникин. Правда, с увеличением временной дистанции от трагедии российской революции и Гражданской войны столь безапелляционное утверждение фигурировало все-таки меньше. В то же время, несомненная заслуга историографии русского зарубежья — персонифицированный подход к освещению личности Антона Ивановича Деникина и зигзагов его уникальной судьбы.

Если рассуждать о собственно зарубежной историографии, имеющей отношение к личности и судьбе генерала Деникина, то нельзя (применительно к историографическим источникам) не отметить такого обстоятельства: *несмотря на то, что над историками не висел дамоклов меч цензуры, их не закладывали в прокрустово ложе «единственно верной» марксистско-ленинской методологии, они не могли не ощущать влияния политического ангажемента.* Особенно в период холодной войны. Вот здесь и кроются истоки идеализации образа вождя Белого движения. Тем не менее, у зарубежных историков, точно так же, как и у их коллег из цеха служителей музыки Клио русского зарубежья, налицо персонифицированный подход к исследованию рассматриваемой в моей монографии исторической персоналии.

В целом, можно утверждать, что в зарубежной историографии, имеющей отношение к личности и судьбе Антона Ивановича Деникина, налицо тенденция поступательного развития процесса изучения означенной темы, о постепенном переходе от узкого описания отдельных исторических фактов к системному анализу, к выяснению причинно-следственных связей, созданию развернутого исторического портрета боевого русского генерала в жанре исторической биографии. Однако

комплексных исследований исторической персоналии Деникина в зарубежной историографии так и не появилось.

Аналитические материалы настоящего историографического исследования позволяют извлечь главный урок: для исторической науки неприемлемы апологетический и негативистский подходы к оценке исторических персоналий. Особенно тех, кто попал вместе со страной в цивилизационный разлом. Их деяния необходимо взвешивать на основе принципов объективности, историзма, компаративизма. Но для этого историческая наука должна быть свободной от диктата власти, поскольку не имеет права слепо следовать за политикой. В противном случае, на развитие историографии, особенно на ее оценочные положения о личности и судьбе исторических деятелей, станет крайне отрицательно влиять субъективизм политического руководства страны. И ни о каком другом главном критерии, кроме как истинность исторических знаний, в таком случае речи быть не может. Причем, все изложенное выше характерно вне зависимости от политического режима, господствующего в государстве в тот или иной отрезок исторического пространства и времени.

Хотя все это не так просто осуществить, ибо политическая конъюнктура, идеологизация и политизация в исторической науке будут иметь место всегда, вне зависимости от смены цивилизационной парадигмы¹, формы государственного устройства. При любом политическом режиме найдутся недобросовестные историки, пишущие в угоду власть имущим, по принципу «чего изволите, кушать подано», и получающие за это «по списку музы свой паек» (причем, неплохой).

Естественно, что данным историографическим исследованием не исчерпывается история истории изучения личности и судьбы генерала Деникина. Видимо, здесь можно выйти на новый уровень историографического синтеза.

